

Научная статья

УДК 343.2/.7:340.111.57(470+571)

<https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-3-10>

Фикция как инструмент регулирования уголовно-правовых отношений в «новых регионах» Российской Федерации

Дмитрий Сергеевич Дядькин^{1, 2}, Виталий Алексеевич Щелкунов²✉

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

²Коллегия адвокатов «Дефенден Юстицио», Сургут, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения уголовного законодательства Российской Федерации в «новых регионах» (Республика Крым, г. Севастополь, Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Херсонская и Запорожская области) в условиях их интеграции в правовое пространство Российской Федерации. Авторы анализируют коллизии, возникающие при привлечении к ответственности за деяния, совершенные до принятия этих территорий в состав Российской Федерации, а также в переходный период, и на территории Украины, находящейся в зоне проведения специальной военной операции. Также актуальность исследования выражается в отсутствии устоявшихся положений, определяющих изменение действия уголовного закона при увеличении либо изменении государственных границ, определяющих юрисдикцию государства, фактически законодательное разрешение данной пространственной коллизии каждый раз осуществляется ситуативно, исходя из сопоставительного анализа степени расхождения уголовно-правовых систем государств, уступившего и приобретшего юрисдикцию над соответствующей территорией. Цель исследования – обосновать, что установленный особыми федеральными законами порядок квалификации преступлений, предусматривающий ретро-спективное действие Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой уголовно-правовую фикцию, противоречащую общим правилам ст. 12 Уголовного кодекса Российской Федерации и ч. 1 ст. 1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и формально-логический методы, а также анализ судебной практики (включая апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации). Результаты показывают, что применение данной фикции, хотя и обусловлено исключительными политическими обстоятельствами и принципом социальной справедливости, порождает противоречия с принципом субъективного вменения и правилами действия закона во времени и пространстве. Авторы предлагают устранить выявленные коллизии не путем включения норм в Уголовный кодекс Российской Федерации, а через разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации (в частности, дополнив постановление от 24.06.2025 № 10) и распространить аналогичный механизм на территории Украины, находящиеся под фактическим контролем Российской Федерации в ходе специальной военной операции.

Ключевые слова: фикции, уголовно-правовые фикции, квалификация преступления, специальная военная операция

Для цитирования: Дядькин Д. С., Щелкунов В. А. Фикция как инструмент регулирования уголовно-правовых отношений в «новых регионах» Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 3. С. 118–126. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-3-10>.

Original article

Legal fiction as a regulator of criminal legal relations in “new territories” of the Russian Federation

Dmitry S. Dyadkin^{1, 2}, Vitaly A. Shchelkunov²✉

¹Surgut State University, Surgut, Russia

²Bar Association “Defenden Justicio”, Surgut, Russia

Abstract. The article studies the issues in applying the criminal legislation of the Russian Federation in the “new territories”, i.e. the Republic of Crimea, Sevastopol City, the Luhansk People’s Republic, the Donetsk People’s Republic, Kherson and Zaporizhzhia Oblasts, under their integration into the legal space of Russia. The paper analyzes conflicts arising when prosecuting acts committed before and during these territories’ transition into parts of the Russian Federation, as well as in the Ukrainian areas of the special military operation zone. The study’s relevance lies in the absence of established provisions determining the change in the criminal law’s operation upon expanding or altering state borders, which define the state’s jurisdiction. In practice, the legislative resolution of this spatial conflict is situational; thus, it is based on a comparative analysis of the degree of divergence between the criminal legal systems of the state that relinquished and the state that acquired jurisdiction over a certain territory. The study aims to justify that the procedure for qualifying crimes, set by the separate federal laws and providing for retroactive effect of the Criminal Code of the Russian Federation, represents the legal fiction that contravenes general rules of Article 12 and Part 1 of Article 1 of the aforementioned Code. The research employs formal legal, comparative legal, and formal logical methods, as well as an analysis of judicial practice (including the appellate decision of the Supreme Court of the Russian Federation). Results demonstrate that, conditioned by exceptional political circumstances and the principle of social justice, the application of the specified fiction contradicts the principle of subjective imputation and the operation of law in time and space. Consequently, it is proposed to eliminate the identified conflicts not by incorporating norms into the Criminal Code of the Russian Federation, but via guidance notes of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation (by supplementing Resolution No. 10 of June 24, 2025, in particular). The authors also suggest extending a similar mechanism to the territories of Ukraine that have been de facto under control of the Russian Federation throughout the special military operation.

Keywords: legal fiction, criminal legal fictions, qualification of crime, special military operation

For citation: Dyadkin D. S., Shchelkunov V. A. Legal fiction as a regulator of criminal legal relations in “new territories” of the Russian Federation. *Surgut State University Journal*. 2026;14(3):118–126. <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2026-3-10>.

ВВЕДЕНИЕ

Стремление российского законодателя укрепить национальный суверенитет и обеспечить единую правоприменительную практику по всей стране сегодня абсолютно оправданно. Это напрямую влияет как на создание законов, так и на их реализацию, включая сферу уголовного права. Однако в «новых регионах» – в Крыму, Севастополе, Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Херсонской и Запорожской областях – возникла коллизия. Стандартные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) о действии закона во времени, пространстве и по кругу лиц (ст. 9–12) оказались неприменимы к уникальной ситуации вхождения этих регионов в состав России. Они не учитывают исключительные обстоятельства расширения юрисдикции и противоречат принципам законности, демократизма и справедливости. Выход был найден в виде особых правил, закрепленных через механизм правовой фикции, который позволяет регулировать отношения, возникшие до момента принятия территорий в состав РФ.

Изменение государственной принадлежности территории объективно порождает разрыв в непрерывности уголовно-правового регулирования. Значительная часть юридически значимых деяний, совершенных на указанных территориях, относится к периоду, предшествующему дате принятия в состав РФ «новых регионов». В связи с этим возникает фундаментальная коллизия: применение уголовного закона во времени, в соответствии с общеправовым принципом *nullum crimen, nulla poena sine lege*, не допускает распространения действия закона на деяния, совершенные до его вступления в силу. Одновременно с этим отсутствие правовой оценки подобных деяний на территории, ныне находящейся под юрисдикцией Российской Федерации, вступает в противоречие с принципами неотвратимости ответственности и верховенства права.

Общие нормы, закрепленные в статьях 9–12 УК РФ (действие уголовного закона во времени, пространстве и по кругу лиц), данную коллизию не разрешают, поскольку они рассчитаны на стандартные ситуации смены

юрисдикции либо на трансграничный характер преступлений, но не на одномоментное изменение государственной принадлежности территории с сохранением континуитета населения.

Сложность усугубляется тем, что правоприменство государств в международном праве, как правило, не предполагает автоматического распространения уголовной юрисдикции нового суверена на деяния, совершенные до перехода территории, за исключением случаев, когда такие деяния признаются международными преступлениями (геноцид, военные преступления, преступления против человечности). В результате российский законодатель оказался перед дилеммой: либо оставить без правовой оценки миллионы деяний, совершенных в условиях вооруженного конфликта и смены власти, либо создать экстраординарный механизм, легализующий обратную силу уголовного закона.

Уголовно-правовая практика столкнулась с существенной проблемой применения уголовного закона при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления при следующих обстоятельствах:

- 1) в данных «новых регионах» в период нахождения данных территорий под юрисдикцией Украины;
- 2) на данных территориях в период существования переходного периода;
- 3) на территории Украины, если в настоящее время указанные лица проживают на территории Российской Федерации;
- 4) как ранее, так и в настоящее время на территории Украины, если указанные лица в настоящее время находятся на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации в силу проведения специальной военной операции (СВО) (территории Днепропетровской, Харьковской и других областей Украины).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При исследовании предмета настоящей статьи были применены следующие методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, формально-логический, а также использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и дедукция.

С целью формирования современных представлений и научных взглядов на институт уголовно-правовой фикции были изучены и проанализированы труды Д. М. Мейра, Г. В. Дормидонтова, К. В. Бабаева, В. М. Горшенева, А. П. Заец, К. К. Панько, Р. К. Лотфуллина, В. В. Тарасенко, И. А. Абдулханянова.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В связи с многоаспектностью вышепредставленных территориальных и временных оснований возникновения уголовной ответственности их следует дифференцировать применительно к предмету настоящей статьи на случаи, где осуществляется регулирование по общим правилам российского уголовного законодательства, а где для регуляции использован институт правовых фикций, при этом уделив внимание их существу.

Правовым основанием применения законодательства РФ как в части материального, так и процессуального уголовного права при рассмотрении уголовных правоотношений, возникших до принятия «новых регионов» в состав РФ, выступили федеральные конституционные законы о принятии в РФ и образовании в составе РФ новых субъектов Федерации [1–6], которыми было установлено действие законов РФ на данных территориях со дня их принятия в РФ.

Для разрешения вопросов применения материального уголовного права законодателем был принят Федеральный закон от 05.05.2014 № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – ФЗ от 05.05.2014 № 91-ФЗ), которым было закреплено ретроспективное действие уголовного законодательства, т. е. преступность и наказуемость деяний, совершенных на территориях города Севастополя и Республики Крым до 18.03.2014, определяются на основании УК РФ. Аналогичное правило сформулировано в отношении Луганской и Донецкой Народных Республик,

Херсонской и Запорожской областей в соответствующем федеральном законе [7].

Согласно ч. 1 ст. 12 УК РФ, граждане РФ и постоянно проживающие в РФ лица без гражданства, совершившие вне пределов РФ преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с УК РФ.

Таким образом, установленные в вышеобозначенных федеральных законах положения о безусловном применении российского уголовного законодательства ко всем уголовно-правовым отношениям независимо от времени их возникновения в «новых регионах», не отвечают правилу ст. 12 УК РФ и создают отдельное основание правового регулирования для данных ситуаций. Такой способ регулирования правоотношений определяется как специфический метод юридической техники – правовая фикция.

Использование в указанном случае фикции, получившей закрепление в отдельных федеральных законах, не включенных в текст УК РФ, дополнительно подчеркивает исключительность как данных уголовных правоотношений, так и способа их регулирования, обусловленного в первую очередь нетипичностью (исключительностью) ситуации: принятием в состав РФ территорий в ходе предшествующей такому принятию специальной военной операции. Во-вторых, избранный способ регулирования с помощью законодательно установленных норм права, которые, безусловно, определяются в качестве материального уголовного права, но при этом не кодифицируются в текст Уголовного закона, создает дополнительное противоречие дефиниции ч. 1 ст. 1 УК РФ, закрепляющей правило, согласно которому уголовное законодательство РФ состоит только из УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат обязательному включению в указанный Кодекс.

Совокупность приведенных обстоятельств позволяет определить рассматриваемый способ уголовно-правового регулирования как уголовно-правовую фикцию. Основанием для ее применения выступает не специфический

характер самих уголовных правоотношений, а территориальные условия их возникновения.

Специфика данной фикции заключается не в ее формулировании в качестве особого регулятивного механизма, действующего в отступление от общих правил квалификации применительно к отдельным правоотношениям (свойство, присущее классическим правовым фикциям). Напротив, ее особенность состоит в универсальном характере действия: она распространяется на все уголовно-правовые отношения без исключения, однако лишь при условии, что таковые возникли в конкретном месте (в «новых регионах») и в конкретный период (до момента юридического закрепления юрисдикции Российской Федерации над этими территориями).

Буквальное следование общей норме ст. 12 УК РФ в условиях смены юрисдикции в «новых регионах» привело бы к образованию ситуации, при которой значительный массив общественно опасных деяний остался бы без правовой оценки. Фикция в данном случае выступает не столько исключением из правил, сколько легитимным средством восполнения пробела, возникшего не по вине правоприменителя, а в силу уникальности исторического момента.

Любые исключения из общих принципов действия закона во времени, пространстве и по кругу лиц требуют не только четкого нормативного закрепления, но и глубокого доктринального обоснования, поскольку их необоснованное расширение способно подорвать незыблемость базовых начал уголовной ответственности. Вместе с тем судебная практика свидетельствует о том, что правовая система РФ продемонстрировала способность к гибкому реагированию на вызовы, обусловленные геополитическими изменениями и необходимостью интеграции «новых регионов» в единое правовое пространство.

Анализ правоприменительной деятельности также подтверждает следование практики установленному запрету применения к исследуемым правоотношениям положений ст. 12 УК РФ, примером чего служит апелляционное

определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) по делу № 18-АПУ15-31сп, где было зафиксировано, что совершенные преступные деяния на территории Республики Крым в период ее нахождения под украинской юрисдикцией считаются преступлением, совершенным на территории РФ.

Такой компромисс, при всей его юридической неортодоксальности, обретает оправдание лишь в одном случае – если исходить из исключительности самой ситуации присоединения, не имеющей прецедентов в современной международной практике ни по масштабу, ни по характеру предшествовавших событий.

Вопросы квалификации преступления неизбежно сталкиваются с проблемами, касающимися применения российской уголовной нормы к деяниям, совершенным до перехода «новых регионов» под юрисдикцию РФ. Проблемный аспект кроется в том, что в момент совершения деяния данные люди были гражданами Украины, и их поступки оценивались по украинским законам. В данных случаях происходит разрыв между субъективной стороной преступления (лицо не осознавало и не могло осознавать, что нарушает российский запрет) и возможностью привлечения этого лица к ответственности по российскому уголовному закону, что особенно заметно, когда речь идет о деяниях, совершенных лицами, не имевшими на тот момент российского гражданства. Уголовное право категорически против объективного вменения – то есть наказания без вины. А вина, в свою очередь, предполагает осознание именно противоправности деяния. Но осознать нарушение еще не существовавшего российского запрета невозможно. Значит, на момент совершения проступка эти лица осознавали только одно – что они нарушают уголовный закон Украины. Игнорировать этот факт – значит разорвать связь между субъективной стороной преступления и самой основой уголовной ответственности.

Данную дилемму законодатель попытался разрешить с помощью установления в федеральных законах от 05.05.2014 № 91-ФЗ, от 31.07.2023 № 395-ФЗ дефиниций о том,

что при осуществлении правосудия по уголовному делу не допускается поворот к худшему, т. е. запрет на ретроактивное применение уголовного закона, ухудшающего положение виновного. Настоящий запрет позволяет соблюсти конституционные требования о том, что закон, который устанавливает либо усиливает ответственность, обратной силы не имеет (ст. 54 Конституции РФ), в связи с чем данное указание следует считать законным и обоснованным.

Непосредственно в правилах квалификации данных деяний вышеобозначенное правило должно выражаться в том, что: 1) если в отношении определенного деяния имеет место его криминализация в законодательстве РФ, но таковая отсутствовала в законодательстве Украины, уголовная ответственность исключается; 2) если в отношении определенного деяния имеет место его криминализация в законодательстве Украины, но таковая отсутствует в настоящее время в законодательстве РФ, уголовная ответственность исключается; 3) любые обстоятельства, смягчающие криминализацию либо пенализацию деяния, содержащиеся в законодательстве Украины, но отсутствующие в законодательстве РФ, подлежат учету; 4) любые обстоятельства отягчающие криминализацию либо пенализацию деяния, содержащиеся в законодательстве РФ, но отсутствовавшие в законодательстве Украины, не подлежат учету.

Подобное законодательное установление в определенной мере возвращает нас к действовавшей до 2006 г. дефиниции ст. 12 УК РФ, которая на тот момент содержала указание о том, что при осуждении лиц, совершивших преступление вне юрисдикции РФ, наказание не может превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом иностранного государства, на территории которого было совершено преступление. В настоящий момент указанное правило в тексте уголовного закона отсутствует.

Непосредственная реализация указанных правил в правоприменительной практике, несомненно, имеет в большей степени процессуальные проблемы, нежели в области

применения материального уголовного права. Соблюдение настоящих требований квалификации деяний с учетом требования «о запрете поворота к худшему» подразумевает соблюдение при этом особой процессуальной формы, как минимум установленного порядка истребования официального текста уголовного закона Украины для получения возможности его использования при отправлении правосудия, а также соблюдения иных процессуальных рамок, которые в настоящее время в силу проведения СВО и уровня межгосударственных отношений между РФ и Украиной весьма затруднительны. Из-за отсутствия официальных межгосударственных контактов между Россией и Украиной (дипотношения прерваны, взаимная правовая помощь не осуществляется) механизм, закрепленный в ст. 453 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для получения текста иностранного уголовного закона, фактически парализован. Особое внимание заслуживает проблема реализации уголовной ответственности лиц, которые в настоящее время привлекаются к уголовной ответственности государственными органами Украины в «новых регионах», удерживаемых вооруженными силами Украины, но вошедших в состав РФ. Указанная проблематика выходит за пределы предмета настоящей статьи, поэтому авторы не уделяют ей внимания в настоящем.

Таким образом, как видится авторам, закрепление такого рода действия закона является не чем иным, как уголовно-правовой фикцией. Суть ее установления – решение проблемы, связанной с распространением уголовного законодательства РФ на территории до их фактического принятия в правовую систему РФ. При этом указанное правило о применении УК РФ к уголовным правоотношениям, возникшим до даты принятия «новых регионов» в состав РФ, является правовой фикцией в силу того, что противоречит общему законодательному установлению о том, что законодательные и иные нормативно-правовые акты РФ действуют в «новых регионах» со дня их принятия в РФ.

Авторы полагают, что закрепление настоящей уголовно-правовой фикции в отдельном федеральном законе, устанавливающем правила квалификации, является недопустимым. Подобная ситуация, во-первых, противоречит установлению о том, что уголовное законодательство состоит только из УК РФ (ч. 1 ст. 1 УК РФ), во-вторых, порождает коллизию норм федеральных законов, что явно не способствует единообразию и системности практики применения. Согласно теории уголовного права, фикции принято закреплять либо в законодательстве [8], либо актах судебного толкования [9, 10]. Представляется, что наиболее верной юридической конструкцией является изложение указанной фикции в постановлении Пленума ВС РФ. Логически верным представляется ее размещение в постановлении Пленума ВС РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона».

Рассмотренные федеральные законы предписывают применять УК РФ к деяниям, совершенным до принятия «новых регионов» в состав России. С другой стороны, те же законы содержат запрет на поворот к худшему и требуют учитывать положения украинского уголовного закона, если они смягчают положение лица. Это означает, что суд при квалификации преступления должен одновременно руководствоваться двумя разными правовыми системами – российской и украинской, причем в части, касающейся обстоятельств, смягчающих ответственность. Такое положение дел, по мнению авторов, вряд ли можно признать удовлетворительным с точки зрения правовой определенности. Правоприменитель вынужден не только знать содержание украинского уголовного закона, действовавшего на момент совершения деяния, но и сопоставлять его с российским, что само по себе является сложной юридической задачей. Также необходимо учитывать разорванные дипломатические связи, которые, безусловно, влекут бездействие украинской стороны на предоставления запросов российских судов, что как раз-таки может стать препятствием

при осуществлении правосудия, так как судья не будет обладать необходимым правовым материалом для установления предельного размера санкции статьи.

Правила, предусмотренные ст. 12 УК РФ, применяются к лицам, совершившим преступление на украинской территории (независимо от проведения СВО), и к иностранным гражданам, лицам без гражданства.

Отличных правил, определяющих преступность и наказуемость деяний, уголовное законодательство не содержит, что подразумевает следование практике к применению общих правил, ввиду чего авторам представляется, что на части подконтрольных РФ в ходе проведения СВО территорий Украины следует распространить рассмотренные выше правила о регулировании уголовных правоотношений на основе законодательства РФ. Указанное правило позволит достичь единообразия и стабильности практики применения. Для этого законодателю необходимо закрепить указанное положение в специализированном законодательном акте, так как закрепление указанного положения в качестве судебного толкования невозможно.

Приведенные случаи показывают наличие пробела: уголовный закон не определяет, какой именно момент считать переходом территории под юрисдикцию РФ. Фактический контроль над территорией и ее юридическое закрепление в составе РФ происходят в разное время, поэтому на землях, находящихся под фактической юрисдикцией России, продолжает действовать юрисдикция Украины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить, что факт установления контроля и юрисдикции РФ в «новых регионах» предшествующими этому силовыми действиями РФ дал основание для формулирования фикции о ретроспективном применении в настоящем законодательстве РФ на данных территориях, в том числе и к правоотношениям, существовавшим до принятия данных субъектов в состав РФ. Ее социальная обусловленность определяется в том числе и практической реализацией принципа

социальной справедливости, заключающейся в защите прав и интересов новоиспеченных граждан с помощью законодательства РФ. В случае непринятия данной фикции правоохранительным и судебным органам либо пришлось осуществлять правосудие в соответствии с законами Украины, либо констатировать отсутствие правовых оснований для применения к данным правоотношениям УК РФ.

Предпосылки для зарождения данной фикции очевидны. Они находятся в причинной связи с исключительными обстоятельствами вхождения «новых регионов» в состав РФ, основанными на констатации со стороны государственных органов РФ фактов нарушения прав русскоязычных граждан, системном нарушении прав граждан со стороны государственных органов Украины, появившихся данных о готовящейся украинской агрессии на Донбассе и в Крыму, а также возможности применения Украиной ядерного оружия против РФ.

В результате присоединения «новых регионов» российский законодатель был вынужден пойти на исключительную меру – создание уголовно-правовой фикции, придающей обратную силу российскому уголовному закону. Это позволило решить острые практические задачи интеграции «новых регионов» в правовую систему РФ. На наш взгляд, невзирая на пороки, связанные с источником закрепления и изложения правового материала, данную уголовно-правовую фикцию следует признать оправданной и социально необходимой. Проведенное исследование свидетельствует, что фикции могут выступать положительным явлением для отечественного законодательства, невзирая на то, что в советское время к ним было выработано отрицательное отношение, связанное с отнесением фикций к элементу буржуазного права [8, с. 106].

В качестве меры по совершенствованию практики правоприменения авторы предлагают дополнить постановление Пленума ВС РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона» отдельным пунктом в следующей редакции:

«Судам следует иметь в виду, что преступления, совершенные на территориях Республики Крым, города федерального значения Севастополь, Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской области, Запорожской области до принятия

настоящих территорий в состав Российской Федерации, признаются совершенными на территории Российской Федерации, в связи с чем данные деяния необходимо квалифицировать по соответствующим статьям УК РФ без поворота к худшему».

Список источников

1. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ // СЗ РФ. 2014. № 12. Ст. 1201.
2. О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя : федеральный закон от 05.05.2014 № 91-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2296.
3. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики : федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6930.
4. О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики : федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6931.
5. О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области : федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6932.
6. О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области : федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 8-ФКЗ // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.
7. О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : федеральный закон от 31.07.2023 № 395-ФЗ // Российская газета. 2023. 3 августа. № 171.
8. Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж : Истоки, 1998. 135 с.
9. Тарасенко В. В. Презумпции и фикции в современном уголовном праве России : моногр. М. : Юрлитинформ, 2022. 230 с.

References

1. On admission of the Republic of Crimea into the Russian Federation and the establishment of new subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol: Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of March 21, 2014. Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 12. Art. 1201. (In Russ.).
2. On application of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the territories of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol: Federal Law No. 91-FZ of May 5, 2014. Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 19. Art. 2296. (In Russ.).
3. On admission of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation and the establishment of a new subject within the Russian Federation – the Donetsk People's Republic: Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of October 4, 2022. Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Art. 6930. (In Russ.).
4. On admission of the Luhansk People's Republic into the Russian Federation and the establishment of a new subject within the Russian Federation – the Luhansk People's Republic: Federal Constitutional Law No. 6-FKZ of October 4, 2022. Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Art. 6931. (In Russ.).
5. On admission of Zaporizhzhia Oblast into the Russian Federation and the establishment of a new subject within the Russian Federation – Zaporizhzhia Oblast: Federal Constitutional Law No. 7-FKZ of October 4, 2022. Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Art. 6932. (In Russ.).
6. On admission of Kherson Oblast into the Russian Federation and the establishment of a new subject within the Russian Federation – Kherson Oblast: Federal Constitutional Law No. 8-FKZ of October 4, 2022. Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 41. Art. 6933. (In Russ.).
7. On application of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the territories of the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, Zaporizhzhia Oblast, and Kherson Oblast: Federal Law No. 395-FZ of July 31, 2023. Rossiyskaya Gazeta. August 3, 2023. No. 171. (In Russ.).
8. Panko K. K. Fiksii v уголовном праве i pravoprime-nenii. Voronezh: Istoki, 1998. 135 p. (In Russ.).

10. Абдулханьянов И. А. Фикция в уголовном праве: теоретико-прикладное исследование : моногр. / под ред. А. П. Кузнецова. М. : Юрлитинформ, 2024. 218 с.	9. Tarasenko V. V. Prezumpstii i fiktsii v sovremennom ugodovnom prave Rossii. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2022. 230 p. (In Russ.). 10. Abdulkhannyanov I. A. Fiktsiya v ugodovnom prave: teoretiko-prikladnoe issledovanie. Monograph. A. P. Kuznetsov, ed. Moscow: Yurlitinform; 2024. 218 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. С. Дядькин – доктор юридических наук, доцент, адвокат;

<https://orcid.org/0000-0001-8888-926X>,
lex.dds@gmail.com

В. А. Щелкунов – адвокат;
<https://orcid.org/0009-0002-7560-4098>,
shchelkunov.99@mail.ru[✉]

About the authors

D. S. Dyadkin – Doctor of Sciences (Law), Docent, Attorney;

<https://orcid.org/0000-0001-8888-926X>,
lex.dds@gmail.com

V. A. Shchelkunov – Attorney;
<https://orcid.org/0009-0002-7560-4098>,
shchelkunov.99@mail.ru[✉]